

Зайцев Бор. Москва. Чехов // Возрождение (Париж). 1928. 13 мая. № 1076. С. 3–4.

было глубоко — человеческое. Главный грѣхъ чеховскихъ людей — слабость и отсутствіе воли. Но слабость не есть смертный грѣхъ. Люди Чехова ушли вмѣстѣ со старой, милой, нѣсколько рыхлой Москвой. Часть нашей души ушла съ ними — другая строится сейчасъ заново. Съ новыхъ, укрѣпленныхъ позицій, не будемъ суровы къ минувшему.

Искусство же Чехова, какъ искусство, живетъ всегда.

Наѣздами Чеховъ въ Москву бывалъ. Появлялся у Телешова на «Средѣ», у Андреева. Сталъ еще молчаливѣе, — чѣмъ знаменитѣе, тѣмъ слабѣе и замкнутѣе. Его уже и выводила супруга. О. Л. Книшперъ, подъ руку, почти какъ икону. Но все то-же пенсне, легкіе путаные волосы, сѣрые глаза.

Въ послѣдній разъ я его видѣлъ на премьерѣ «Вишневаго сада», 19 января 1904 года — уже не у Мошнина въ Каретномъ, а въ новомъ театрѣ Камергерскаго переулка. Это былъ двадцатипятилѣтній его юбилей. Чеховъ едва стоялъ на сценѣ, въ обычномъ своемъ пиджачкѣ, среди цвѣтовъ, актрисъ, актеровъ — утомленно кланялся, утомленно слушалъ юбилейныя рѣчи, которыя глубоко ненави-дѣлъ (а рѣчи тогда говорили такіа-же, какъ и теперь, не лучше. Одинъ покой-никъ Гольцевъ сколько могъ сказать объ «огонькахъ», «свѣтлыхъ идеалахъ», и т. п.).

Юбилей кончился, Чеховъ уѣхалъ съ Ольгою Леонардовною весной за границу. Лѣтомъ жилъ въ Баденвейлерѣ, также хворалъ тамъ. И тѣмъ же лѣтомъ, въ юлѣ, въ семь часовъ утра занимали мы съ женою извозчика со Спа-со-Песковскаго на Николаевскіе вокзалъ — встрѣчать прахъ Чехова. Извоз-

чикъ везъ по Воздвиженкѣ, черезъ Ку-тафью башню. Шагомъ подымался въ голубомъ, алатистомъ угрѣ лѣтнемъ, къ стѣнамъ Кремля, погромыживая желѣзными шинами колеса. У сѣдоковъ его глаза были въ слезахъ. Потомъ медленною рысцой трусилъ мимо соборовъ и дворцовъ, снималъ шапку въ Спасскихъ воротахъ и неторопливо разворачивалъ намъ утреннюю, и простонародную Москву.

Съ большимъ волненіемъ держалъ я край гроба своего любимата писателя. Было много народу, много цвѣтовъ, молодежь очень долго несла гробъ на рукахъ. На Домниковской, вздохмаченный санож-никъ выѣхалъ изъ подвала, съ удивленіемъ взглянулъ на толпу, спросилъ:

— Это кого-жъ это хоронятъ? Генера-ла?

— Писателя, отвѣтили ему.

— Пи-са-те-ля! Вотъ такъ такъ!!

И съ изумленіемъ онъ почесалъ въ затылѣ.

Медленный ходъ черезъ всю Москву, литіи, панихида у Художественнаго Театра, путь къ Новодевичьему монастырю, туманно — золотой блескъ его куполовъ, легкая лѣтняя гроза на кладбищѣ, нѣжный запахъ листвы, безконечные букеты, цвѣты, слезы, раздражительная, клубящаяся печаль юношеской души, — та печаль, которая однако, явно будетъ преодоленна — вновь служеніе, рѣчи и, наконецъ, небольшой холмикъ надъ Чеховымъ — вотъ обликъ того пронзительнаго, остро — сладко — печальнаго дня. Какіе-то ландыши и сирень, душевные ландыши, и душевная сирень. Изнеможенная усталость къ вечеру.

...Позже на могилѣ Чехова поставили крестъ съ лампадкой. И всегда были цвѣты. Было паломничество молодежи въ чудный монастырь Новодевичій. Что теперь не знаю.

Бор. Зайцевъ